

что условия современной нашей хозяйственной жизни больше благоприятствуют крупной форме производства и оставляют очень мало простора для деятельности мелкого промышленника, но из этого, по нашему мнению, еще ровно ничего не вытекает. Ссылка на западную Европу также не имеет за собою никаких резонов, потому что в настоящее время уже считается доказанною та мысль, что хозяйственный строй одной стороны — не есть точный слыв с другой, что каждая страна имеет свою собственную хозяйственную историю, которая вовсе не обязательна для государств соседних, имеющих свою самостоятельную социально-политическую и естественную физиономию. В нашем недавнем прошлом мы имеем крупный примѣръ, доказывающий возможность такого направления в государственной политике, которое как нельзя больше соответствует общему благу и резко отличается от прежней политики западно-европейских государств, приведшей их к капитализму. Это знаменитый акт нашей верховной власти 1861 г. Тенденция крупной промышленности по отношению к нему заключалась, несомненно, в томъ, чтобы сконцентрировать земельный капиталъ въ рукахъ немногочисленного меньшинства и оставить массу безземельною. Въ этомъ заключался интересъ капитала и владѣльцевъ; но тѣмъ не менѣе, благодаря волѣ Царя-Освободителя и желанію лучшихъ силъ тогдашняго русскаго общества, этого не случилось, и крестьяне все получили надѣлы; земля отъ этого раздробилась, вопреки прямымъ тенденціямъ капитала и это обстоятельство надолго затормозило развитіе крупной промышленности въ нашемъ государствѣ.

Но пусть даже будущее принадлежитъ крупному производству, — это все таки не даетъ намъ права холодно относиться къ борьбѣ мелкаго кустаря съ крупными капиталистическими предприятиями, такъ какъ, нѣтъ сомнѣнія, задача промышленнаго прогресса, его высшая, идеальная цѣль должна состоять въ томъ, чтобы овладѣть крупной формой производства на началахъ коллективизма и артельности...

Во всякомъ случаѣ, „прикрытіе естественными законами исторіи“ говорить о единѣ изъ нашихъ извѣстныхъ экономистовъ, есть *преступное равнодушіе*, которое въ концѣ концовъ играетъ въ руку могущественному меньшинству, и наоборотъ: всякое дѣлательное стараніе, устранить эти невыгоды, которыя будто бы роковымъ образомъ влекутъ за собою эти законы, позволяетъ освободиться отъ многихъ золъ, которыми мы страдаемъ западно-Европейскія страны. Общественная жизнь не есть произведеніе природы, она произведеніе культуры, въ созданіи которой участвуетъ человѣческій умъ, говоритъ Вагнеръ. А если это такъ, то дѣлательное участіе государства и наиболее развитой части общества въ хозяйственной политикѣ можетъ придать экономическому складу страны иной видъ, нежели тотъ, который она приметъ подъ вліяніемъ соперничества, порожденнаго только экономическими побужденіями. (Исаевъ — Артели, стр. 323).

Кромѣ того, намъ кажется, что нигдѣ кустарные промыслы не нуждаются такъ сильно въ сторонней поддержкѣ, какъ въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ. Они выросли здѣсь еще такъ недавно, не успѣвши достаточно окрѣпнуть и укорениться, и принуждены теперь же вступить въ борьбу съ сильнымъ противникомъ — капитализмомъ, который при поддержкѣ желѣзныхъ дорогъ и разныхъ иныхъ культурныхъ усовершенствованій и нововведеній, послѣдняго времени, все усиливается, растетъ, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ. Если правительство и земства находятъ нужнымъ помогать кустарямъ центральныхъ не черноземныхъ губерній (Тверской, Владимирской и Вятской), то тѣмъ болѣе такая помощь необходима кустарямъ нашей черноземной полосы, потому что тамъ, въ нечерноземныхъ губерніяхъ, кустарныя производства — явленіе старое, давнишнее; тамъ они имѣютъ свою исторію и традиціи. Московскіе ткачи, вязниковскіе кожевники, ковровскіе офени считаютъ за собою цѣлыя сотни лѣтъ существованія. Капитализмъ, какъ явленіе новаго, послѣдняго времени, засталъ кустарныя производства того края уже на извѣстной степени развитія, когда они совершенно